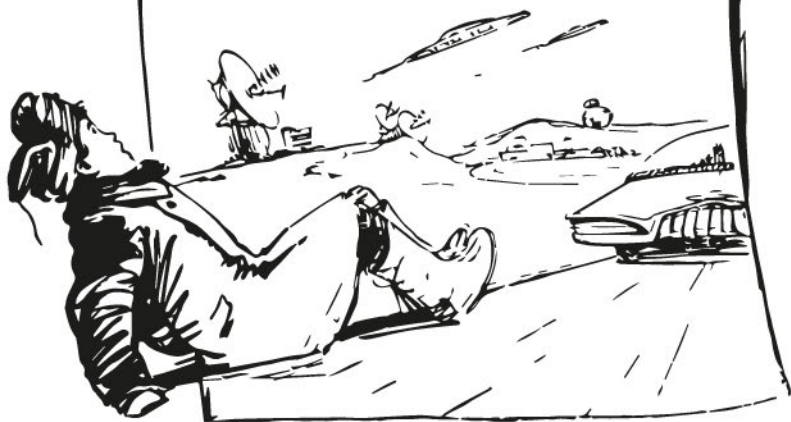

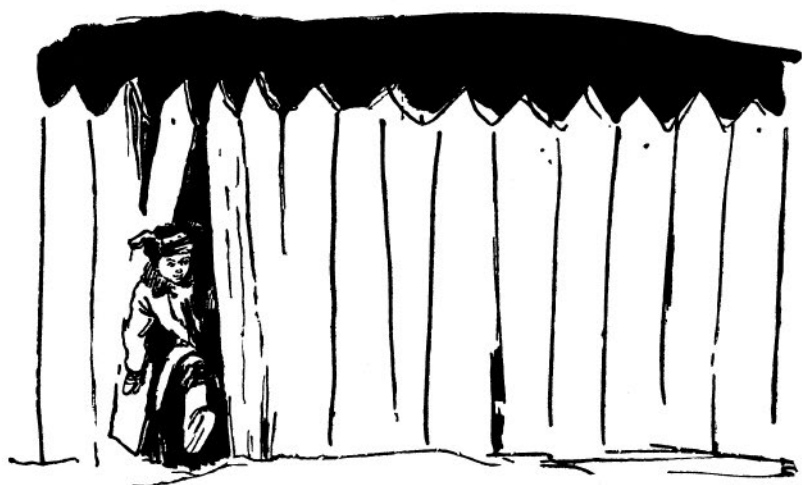
2005
10д

33

2005
10д

МАРТА

Глава первая РЕШЕНИЕ ПРИНЯТО

Звёзды сверкали ослепительно ярко. Окружённые лучистыми венчиками, они казались близкими и тёплыми; мороз крепчал, и в воздухе плавал густой колючий туман. Электрические фонари, фары автомобилей, окна домов тускнели и расплывались желтоватыми пятнами. Под ногами свирепо и раскатисто скрипел снег.

Искусно лавируя в путанице тропок, ученик шестого класса средней школы № 3 Вася Голубев то выходил на освещённое фонарём полукружие, то пропадал в тумане. Свернув в сторону, он перепрыгнул через торчащую из-под снега ограду палисадника, пригнулся, отодвинул в сторону доску забора и перевёл дух — перед ним возвышалось четырёхэтажное здание средней школы № 21. Вася с тоской посмотрел на такое знакомое, такое родное здание, покопился на пушистые маленькие кедры, которые посадил его пионерский отряд в прошлом году, и побежал вперёд.

В тёплом вестибюле школы раздался звонок, и почти тотчас же огромное здание наполнилось шумом и громом: в средней школе окончились занятия.

Вася пристроился в уголке около раздевалки, но здесь его заметила худая и вечно злая сторожиха тётя Поля. Она подозрительно посмотрела на Васю и спросила:

— Опять драться пришёл?

Вася вытер нос и решил быть миролюбивым и добрым.

— А зачем мне нужно драться? — очень мягко спросил он.

— Этого я не знаю, — сказала тётя Поля и поджала губы. — Но как только ты здесь появляешься — так сейчас же драка.

— Ну уж и «сейчас же»... — протянул польщённый Вася.

— Конечно! В прошлую субботу дрался, в том месяце дрался. Сейчас опять?

— А если они сами лезут?

— Они к тебе в школу не ходят.

— Какая вы странная, тётя Поля! — удивлённо сказал Вася. — Вы хотели, чтобы и у нас в школе было такое же безобразие?

— Хорошенькое дело! — воскликнула возмущённая тётя Поля. — Если б ты сюда не ходил, никакого безобразия и не было бы.

Васе Голубеву совсем не нравился этот никчёмный разговор, тем более что возле вешалки уже закипали споры. Мальчишки, стремительно врезаясь в очередь, отталкивали девчонок. Кто-то взвизгивал, кто-то кого-то звал, и никто не стоял на месте. Один только Вася, как привязанный, должен был выслушивать тётю Полины наставления. Ему следовало бы тоже врезаться в очередь и свести кое-какие давние счёты со своими бывшими товарищами, а теперь врагами из шестого «Б».

Но тётя Поля заметно повысила голос:

— Чего ты с ними дерёшься? Чего вы не поделили?

Было много причин, по которым Вася не хотел ссориться с тётей Полей, и поэтому он как можно ласковее старался объяснить:

— А чего они задаются? Почему так получилось: и для физического кабинета мы все модели делали, и «Умелые руки» все вместе организовывали, а когда нас перевели в женскую школу, они всё себе оставили? Разве это правильно? Почему они нам ничего не отдали? Ведь половину класса перевели? Половину! Значит, должны были половину и отдать. А теперь ещё и задаются: «В вашей третьей школе только слянявчики вышивают!» Вы же, тётя Поля, сами знаете. Разве мы работали хуже, чем они? Разве не мы парты чинили? Разве не я пробки вставлял? Меня за что перевели к девочкам? Говорили: «Вот у Голубева выдумки и фантазии много, он там работу „Умелых рук“ наладит». А что получилось? Инструмент весь у себя оставили, материалов ни крошечки не дали. Это по-честному? Да ещё дразнятся: «Иголки с нитками у вас остались — вот и стройте атомные электростанции». А сами — построили? Даже модель высотного здания и ту закончить не смогли! А ещё задаются!

Тётя Поля поняла, что попала в затруднительное положение. Она пожевала тонкими губами и, с подозрением заглянув Васе в глаза, неуверенно сказала:

— Всё равно драться не резон.

— «Не резон!» Пускай не задаются! Если вы хотите знать, наша школа ещё загремит. Ещё они к нам на экскурсию будут приходить!

Тётя Поля уже лет десять работала в двадцать первой (в прошлом мужской) школе. Она была уверена, что лучше этой школы нет не только в городе, но, наверно, и в области, и поэтому немного обиделась.

— «На экскурсию»! — передразнила она Васю. — Драчунами любоваться?

В это время совсем рядом начался хорошо известный всем школьникам отрывистый, но захватывающий разговор.

— Ты чего?

— А ты чего?

— Да я ничего, а вот ты чего?

— А чего ты лезешь? А то вот как дам...

— Был тут один такой смелый, да его в женскую школу перевели.

Тётя Поля быстро обернулась. Ленька Шатров и Женька Маслов легонько подталкивали друг друга и приподнимались на цыпочки. Вася немедленно воспользовался изменением обстановки и, юркнув в сторону, точным, отработанным двойным приёмом — концом пальцев и ладонью —

ударил в плечо Женьку и сбил его с ног. Женька Маслов — бывший Васин товарищ по кружку «Умелые руки», а теперь самый отъявленный враг — упал на проходивших школьников. Они оттолкнули его, и Женька, как мячик, стал переходить из рук в руки.

Полюбовавшись поражением врага, Вася пропал в общей сутолоке и вскоре протиснулся к самой вешалке.

Смуглый, подтянутый, в очень опрятном форменном костюме подросток пригладил свои чёрные, зачёсанные на пробор волосы, едва заметно улыбнулся и спросил у Васи:

— Пришёл?

— Конечно. Слово — закон! — ответил Вася.

— Ладно. Пошли, — тщательно застёгивая все пуговицы на пальто, отозвался мальчик.

Они выбрались из толчеи и вышли на улицу. Морозный воздух сразу обжёт лицо. Ребята подняли воротники тёплых пальто и зашагали по затянутым туманом улицам.

Вася первым нарушил молчание и мрачно сказал:

— Завтра, или никогда. Понял, Саша?

— Понял.

— Пойдёшь? — Голос у Васи дрогнул.

Верный товарищ и сосед по квартире Саша Мыльников опять слегка усмехнулся и ответил:

— Я всё-таки не совсем понимаю, для чего это нужно?

— Но ты друг?

— Понятно...

— Так неужели ты не понимаешь, что если мы найдём мамонтовый зуб, то к нам будут ходить на экскурсии со всех школ!

— А почему не в музей? — спросил Саша.

— Ну видишь ли... Ведь с этого мы и начнём создавать свой музей. Школьного музея нет ещё ни в одной школе.

— Это ценная мысль, — солидно сказал Саша.

— А ты как думал? — сдерживая гордость, ответил Вася.

— Но я не совсем верю в этот зуб... в то, что нам удастся найти его.

— Ты удивительный человек! — Вася забежал чуть вперёд и повернулся к Саше. — Ты никому и ничему не хочешь верить. Ведь сколько раз и твой отец, и мой говорили: на старых разрезах, где они выкопали два мамонтовых зуба, остался ещё один. Им не хотелось вырубать его из вечной мерзлоты. А мы вырубим! Нам захочется!

— Ну, я понимаю... — Саша остановился. — Ты хочешь, чтобы твоя школа загремела. Но ведь моя школа уже гремит.

— Но ты друг? — остановился Вася, в упор глядя на Сашу.

— Понятно... — уже не так уверенно, как прежде, ответил Саша и задумался.

— Я тебе так скажу! Если мы найдём два мамонтовых зуба, один будет твой, — великодушно и в то же время очень дипломатично сказал Вася. — Так как? Пойдёшь со мной?

Саша покосился на него и промолчал.

Конечно, Вася друг, но помогать ему доставать зуб и, значит, давать ему возможность обставить двадцать первую школу — дело непростое. Хотя почему, собственно, там не может быть двух зубов? Ведь известно, что в ледяном панцире вечной мерзлоты, покрывающей огромные северные пространства Сибири, находили не только мамонтовые зубы. На столе у Сашиного отца лежит нож для разрезания бумаги, сделанный из мамонтовых клыков — бивней. Это подарок искусных чукотских косторезов. Почему же в старых разрезах, в которых геологи искали какой-то важный минерал, не может быть не только мамонтовых зубов, но

и бивней? И Вася, и Саша недаром сыновья геологов — они знают, что необыкновенная сибирская земля хранит в себе ещё и не такие тайны.

— Ладно, — сказал Саша и решительно двинулся вперёд. — Я пойду. Но с условием: если мы найдём что-нибудь, всё пополам. Хорошо?

— А если будет только один зуб?

— Гм... Тогда так. В своём музее ты напишешь: «Найден совместно с пионером двадцать первой школы». Ладно?

Вася долго молчал. Выхода у него не было. До старых разрезов — километров десять. Идти туда одному страшновато. Да и с кем же идти, если не со старым товарищем? Вместе они переезжали из города в город, когда их отцов, работающих в одной геологоразведочной партии, переводили в новый район. Всегда учились в одной школе и сидели на одной парте. И не их вина, что им пришлось расстаться.

Когда мужские и женские школы стали соединять, Сашу оставили, а Васю Голубева перевели. Все, кто знал Васю, не очень удивлялись этому. Он с головой погружался во всякие общественные затеи, был душой совета дружины, отлично рисовал и вечно что-нибудь мастерил: то ультракоротковолновый приёмник, то модель паровой машины, то электрическую мясорубку. Понятно, что времени для домашних заданий у него было не много. Но даже и то время, которое всё-таки оставалось у него, он использовал для занятий в секции юных боксёров, осваивания лыж, коньков и особых беговых санок, к которым он приспособил парус и они могли катиться по замёрзшей реке, как лодка. Словом, преуспевая почти везде, Вася Голубев получал иногда не только тройки, но и, к своему величайшему удивлению, даже двойки. Как они прорывались в тетради, для него оставалось страшной тайной.

Саша Мыльников был человеком спокойным, уравновешенным и не очень спешил выполнять пионерские задания. Возиться со строительством моделей он не любил и собственных изобретений не имел. Но зато он любил спорт и стихи. Однако это не мешало домашним занятиям, и Саша был одним из лучших учеников класса.

Видимо, за всё это Сашу очень уважала Васина мама, и с этим, к сожалению, приходилось считаться, потому что, когда Вася собирался уйти из дому в одиночку, это было одно, но когда он предупреждал, что уходит с Сашей, — совсем другое. В первом случае мама обязательно читала долгие и нудные наставления и иногда просто не отпускала, а во втором даже слова не говорила.

Понятно, что, если Саша не согласится с Васиным предложением, нечего и думать о походе за мамонтовым зубом: одного мама всё равно не отпустит. Поэтому волей-неволей пришлось соглашаться.

— Хорошо! Напишем: «Найден совместно с пионером двадцать первой школы».

— Александром Мыльниковым?

— Александром Мыльниковым, — покорно согласился Вася, стараясь не очень сердиться.

— Ладно. Я пойду.

— Тогда так. Ты берёшь топорик и спички. Я возьму лопату и немного керосину, чтобы разжечь костёр и растопить мерзлоту. Нужно взять хлеба и консервов.

— Консервы я возьму, — решил Саша. — У нас есть. Когда собираемся?

— В восемь утра ты зайдёшь за мной.

— Почему я — за тобой?

— Ну видишь ли... мама...

— Ага, ну понятно. Значит, всё?

— Всё! И будь спокоен — мамонтов зуб у нас будет!

— Конечно, — почему-то не совсем уверенно сказал Саша.

Глава вторая ПЕЧАЛЬНОЕ НАЧАЛО

Всякую маму надо знать. Свою маму Вася Голубев знал очень хорошо. Когда он сказал, что собирается на дальние разрезы, она возмутилась:

— Это что ещё за глупости? Мороз под тридцать, вот-вот начнутся весенние метели, а он собрался в сопки! Никуда я тебя не пущу!

Вася вздохнул, отвёл в сторону свои совершенно чистые, безгрешные глаза и сокрушённо сказал:

— Вот всегда так: одному нельзя. Договоришься с Сашкой — опять нельзя. Сиди дома, а все ребята уходят на лыжах.

Он повернулся и пошёл к своей кровати, стараясь идти как можно расслабленнее, слегка подрагивая плечами. Могло даже показаться, что он плачет. Мама сейчас же спросила:

- Ты собираешься с Сашей Мыльниковым?
- Конечно!

Мама ушла, и Вася немедленно юркнул в кладовую. Здесь он нашёл пустую бутылку, поднатужился и приподнял бидон. Подумав, он опустил бидон, сделал из бумаги воронку — такую, какую делали на уроках физики, — и через неё налил керосин. Бутылку он поставил у двери. Потом открыл шкаф, вынул буханку хлеба, отрезал половину и, завернув в газету, тоже положил у двери под старым пальто. Только после этого он прошёл за свой столик и раскрыл тетрадь и учебник. В эту минуту вошла мама.

— Ну хорошо, — сказала она уже поспокойней. — Я разрешаю тебе идти на лыжную прогулку, но ты должен сегодня же сделать все уроки и дать мне честное пионерское слово, что не будешь задерживаться.

Вася был совершенно спокоен — он знал, что иначе быть не может, и поэтому не очень обрадовался маминым словам.

— Ты же видишь — я уже учу, — даже как будто недовольно ответил он и добавил: — Честное пионерское, я не буду задерживаться.

Он выучил уроки, приготовил лыжи и рюкзак, проверил одежду: на шубе не хватало пуговицы. Очень хотелось спать, но Вася заставил себя пришить пуговицу: всякий уважающий себя спортсмен, а тем более путешественник обязан уметь всё делать сам. Папа всегда говорит: лучше сделать всё дома, чем потом мучиться в дороге.

Заснул он гораздо позже обычного и утром едва поднялся. Спросонья пошёл зачем-то в кабинет отца, потом вернулся и едва сообразил, что и как нужно надеть.

Вася умылся, и постепенно сон стал проходить. Он позавтракал, положил в рюкзак приготовленный матерью бутерброд, надел шубу. Едва часы пробили восемь, в дверь постучали и в коридор вошёл снаряжённый в дальнюю экспедицию Саша Мыльников.

Опасаясь, как бы мама не передумала, Вася юркнул за дверь, но сейчас же вспомнил, что керосин и хлеб он забыл. Саша насмешливо выслушал товарища:

— Растеряха! Подожди.

Он спокойно вошёл в коридор, взял из-под пальто бутылку и хлеб и вышел.

— Тоже мне, придумал — прятать хлеб рядом с керосином! Никогда как следует не подумаешь! Ты и по алгебре поэтому отстаёшь — не умеешь думать.

На улицах ещё горели фонари, но туман исчезал. На востоке небо уже тронул рассвет, и оно чуть-чуть зазеленело. Ветер обжигал морозом лица. По снегу прокатился язычок позёмки.

Мальчики стали на лыжи и быстро, по уже проложенным лыжням, прошли ещё пустынные улицы города. Справа остались сияющие в темноте корпуса рудника и обогатительной фабрики. Слева холодным синеватым светом лучились скаты стеклянной крыши — огромной теплицы. К ней от фабрики тянулся теплопровод. Снег над ним вытаял, и тёмная земля курчавилась лёгким парком, кое-где виднелись тёмно-зелёные стрелки травы. Теплица освещалась лампами дневного света — под ними овощи вызревали быстрее.

В небе прошумел самолёт, а рядом на шоссе, вдоль которого высились мачты высоковольтной передачи, метались снопы света — в тайгу шли машины.

За шоссе начался подъём, потом спуск — и снова подъём. Мальчики шли молча. Плечи побаливали — рюкзаки тяжелели. Лыжня пропала, и пришлось остановиться. Саша осмотрелся и сказал:

— По-моему, мы взяли левее.

— Почему ты так думаешь?

— Когда я ездил к папе, сопка была левее нас, а теперь она правее.

Они осмотрелись уже внимательней, и Вася предложил вначале найти с помощью Полярной звезды север, а потом уж разобраться, куда они едут. Но ни ковшика Большой Медведицы, ни обычно яркой, голубоватой Полярной звезды не было. И тут только ребята заметили, что небо потемнело и стало низким, ветер налетал чаще и злее, вокруг как будто всё помрачнело. На сердце стало тревожно. Вася поёжился и согласился, что они действительно, кажется, взяли левее.

Мальчики свернули в сторону и вскоре начали новый подъём. Ветер трепал лыжников по-настоящему. По снегу неслась позёмка, и седые космы её то и дело пересекали

лыжню. Ребята упрямо шли вперёд, на ходу поправляя съезжающие рюкзаки.

Почти на самом перевале небо стало светлеть. Даль прояснилась, показались тёмная стена тайги и горные склоны, у подножия которых геологи нашли зуб мамонта. К этим сопкам вело широкое и совершенно ровное плоскогорье. На нём не было ни бугорка, ни впадинки, как на простыне, которую тщательно выгладили огромным и тяжёлым утюгом...

Перед спуском на плоскогорье ребята остановились, поправили рюкзаки и проверили лыжные крепления. Вася долго любовался равниной, дальней грядой тёмных сопок и наконец сказал:

— А ты знаешь, Саша, когда смотришь отсюда, сверху, начинаешь верить, что в наших местах действительно когда-то путешествовали ледники. Ведь это, конечно, они сделали равнину?

— Какую ещё равнину? — покровительственно спросил Саша. — Это называется «распадок».

— Ну, в географии распадка ты не найдёшь, — возразил Вася. — Это равнина, выглаженная ледником. Он спускался вон с тех гор, но наткнулся здесь на гряду сопок и повернул чуть на юг. И потом уж пополз дальше.

— Как ты легко делаешь открытия! — заметил Саша. — Такие сопки, как эти, — ледникам не препятствие. Ты знаешь, что их толщина достигала нескольких километров? Они всё сметали на своём пути. А ты — сопки!

— Ну и что ж? Всё равно сопки могли помешать им. А почему же эта равнина такая ровная? Конечно, её пробили, а потом разгладили могучие ледники.

Саша промолчал. Он не любил признавать себя побеждённым. А Вася продолжал:

— Видишь, ты какой — не знаешь, а говоришь. Вот потому в наших местах и осталась вечная мерзлота, что здесь очень долго ползали ледники.

— Эх ты, открыватель! — протянул Саша. — Разве ледники в этом виноваты? А ты знаешь, что ещё никто по-настоящему не знает, почему образовалась эта самая мерзлота? Ты знаешь, что целая четверть земного шара покрыта вечной мерзлотой? И что кое-где она то возникает, то пропадает? В одних местах держится год или два, а в других — тысячелетия? Ну, ты это знаешь?

Вася этого не знал.

— Молчишь? Учиться надо, а ты вечно со всякими затеями лезешь! — назидательно сказал Саша.

Вася невольно посмотрел на него: ему показалось, что говорит это не Саша, а мама или классная руководительница. Но так наставительно, скучно и сварливо говорил именно Саша — вечный отличник, совершенно правильный парень, который никогда не ошибается и которому всегда все верят. И это почему-то обидело Васю. Он посопел, потёр свой слегка вздёрнутый, в мелких веснушках нос и сердито сказал:

— Ты всё выучил! За вечную мерзлоту ставлю вечную пятёрку. Но только ты тоже многого не знаешь.

— Чего же я не знаю? — ещё не решив, обижаться или принять похвалу как должное, спросил Саша.

— А вот чего ты не знаешь! Мы за чем идём? За мамонтовым зубом. А какое животное мамонт? Ледниковое. Растаяли ледники — исчезли и мамонты. Значит, жили они только там, где были ледники.

— Это ещё не доказано, — неуверенно возразил Саша.

— «Не доказано»! Ты вот не знаешь, что у нас найдено тридцать целеньких, замёрзших в ледниках мамонтов.

— Ну уж и тридцать! Так сразу целую мамонтовую ферму и нашли? Ты ещё скажи, что их доисторические люди разводили.

— Ты не смейся. Доисторические люди мамонтов не разводили. Нашли их у нас именно в тех местах, где когда-

то были ледники, а на их месте образовалась вечная мерзлота.

— Ну вот! То в ледниках нашли, то в вечной мерзлоте. Тебя никак не поймёшь.

— Ты не придирайся. Были ледники, а стала вечная мерзлота.

— Ну вот мы с тобой тоже идём над вечной мерзлотой — так что ж, по-твоему, и здесь можно найти замёрзшего мамонта?

— А почему нельзя? Ну почему? Ведь зубы мамонтовые находят? А почему не мог здесь какой-нибудь мамонт замёрзнуть?

Теперь пришла очередь сопеть Саше. Он потёр свой прямой нос, покривил красивые яркие губы, пытаясь улыбнуться как можно независимей, но ответить на Васины «почему» не мог. Вася это сразу понял и решил закрепить свою победу.

— Так что ты не задавайся своими пятёрками! — хитро улыбнулся он. — И давай не спорить. Поехали!

Он оттолкнулся палками и помчался вниз, наискось пересекая склон сопки. Лыжи неслись всё быстрее и быстрее, но встречного ветра Вася почти не чувствовал, потому что ему в бок бил всё крепнущий юго-восточный ветер.

Вася лихо мчался точно на север. Изредка ему приходилось объезжать снежные наметы и гольцы — большие камни, выступающие на поверхности сопки, исковерканные северными ветрами низкорослые деревца и кусты удивительного растения — багульника. Он растёт только на северных и восточных склонах сопки и начинает цвести в любое время, лишь бы была вода и тепло. С лыжных прогулок ребята обязательно привозили домой охапки промёрзших, хрупких прутьев багульника и ставили их в воду. Через неделю на прутьях набухали почки, а ещё через неделю, обычно ночью, багульникова метла превращалась в пыш-

ный, точно окутанный ласковым туманом розовато-фиолетовый букет. Недаром эвенки, кочующие охотники и оленеводы тайги, называют багульник солнечным цветком. Он встречает северное раннее солнце и купается в первых его лучах, а потом, заслонённый с юга склонами сопок и гор, пылает своими красивыми, как утренняя заря, цветами в прохладной и влажной тени.

Чуть не наткнувшись на куст такого багульника, Вася резко наклонился, сжался в комок и, вздымая лыжами вихри снега, промчался мимо. Он даже вспотел от неожиданного напряжения, но, сознавая, что искусно избежал опасности, улыбнулся.

Вдруг он почувствовал, что лыжи потеряли опору и он несётся куда-то вниз. На лицо, за воротник и даже за отвороты варежек посыпался колючий, холодный снег. Наконец Вася стукнулся обо что-то твёрдое, угловатое, услышал треск сломанных лыж и палок и упал на бок. Он попытался ещё встать, но левую ногу пронзила острая боль, и он присел. Его лихорадило, во рту пересохло от страха и неожиданности. Понимая, что он провалился в какую-то яму и повредил ногу, Вася испугался всерьёз: теперь-то наверняка ему попадёт от матери, а Сашка, конечно, воспользуется его беспомощностью и мамонтовъй зуб окажется в двадцать первой школе.

Глава третья В ЯМЕ

В снегу на дне ямы, куда он попал, Вася барахтался всего несколько секунд, но ему показалось, что прошло много времени. Он очень спешил освободиться от рюкзака и лыжных обломков. Наконец ему удалось с трудом встать на ноги.